

Ю. А. РОМАНОВ

ТВОРЧЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО В ТРУДАХ УКРАИНСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Творческое наследие Достоевского традиционно вызывает живой отклик в среде украинских исследователей: только за последние тридцать лет проблемы его творчества освещались в десятках украинских научных публикаций, стали темами многих выступлений на научных конференциях, нашли свое отражение в ряде диссертационных работ.

Целью настоящей статьи является анализ трудов украинских литературоведов, посвященных творчеству Достоевского, определение их специфики и основных направлений, что позволит составить представление о современном состоянии достоевсковедения на Украине в целом и обозначить возможные перспективы его развития.

Начать данную работу представляется уместным с освещения трудов литературоведов, чья научная деятельность, начавшаяся еще в советский период, оказала и продолжает оказывать значительное влияние на состояние науки о Достоевском на Украине, — профессора Харьковского университета Р. Н. Поддубной (1940–2006) и доцента Таврического национального университета (Симферополь) Г. А. Зябревой.

Личность и исследования Р. Н. Поддубной снискали признание не только среди украинских, но и российских литературоведов¹. По свидетельству ее харьковских коллег, «Достоевский всегда оставался для Риты Никитичны главным „героем“ ее литературоведческих исследований. <...> Ему посвящена едва ли не большая часть из более чем ста ее научных публикаций»².

Первым монографическим исследованием Р. Н. Поддубной стала кандидатская диссертация, посвященная художественной структуре романа «Преступление и наказание» и типу романа Достоевского³.

¹ См.: Памяти Риты Никитичны Поддубной // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 2007. № 22. С. 520–523.

² Лагунов А. И. Талант творческий и человеческий // Рита Никитична Поддубная — профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина: Библиогр. указ. / Сост.: Ю. Ю. Полякова, С. Б. Глибицкая. Научн. ред. И. И. Московкина. Вступ. ст. А. И. Лагунов. 2-е изд., доп. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. С. 4.

³ Поддубная Р. Н. Художественная структура «Преступления и наказания» и тип романа Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1971.

Будучи активным членом сообщества достоевсковедов, Р. Н. Поддубная публикует статьи по различным вопросам его творчества — в республиканских научных сборниках, изданиях МАПРЯЛ, а также в томах серии «Достоевский. Материалы и исследования», выпускаемой Пушкинским Домом, в альманахе Общества Достоевского «Достоевский и мировая культура» и в материалах Международных Старорусских чтений⁴.

На наш взгляд, из всего обширного творческого наследия Р. Н. Поддубной наибольшее влияние на состояние современного украинского достоевсковедения оказали те ее работы, которые посвящены исследованию художественной структуры произведений Достоевского, а также проблемам фантастического, сказочно-мифологической образности, анализу мифопоэтических тенденций в литературе⁵. Значим ее вклад в изучение таких мотивов в творчестве Достоевского, как двойничество и самозванство (в частности, исследуя данные мотивы, Поддубная дает новый взгляд на героев Гоголя и Достоевского и вскрывает «связь между самозванством и двойничеством»⁶). Научное влияние Поддубной отчетливо прослеживается в трудах современных украинских исследователей, например Л. Куплевацкой, Н. Полулях, чьи кандидатские работы были защищены под ее руководством.

Что касается вклада в украинское достоевсковедение Г. А. Зябровой, следует отметить, что благодаря ее усилиям наука о творчестве Достоевского стала одним из базовых направлений в деятельности научной школы «Русский литературный процесс: исторический и теоретический аспекты» под руководством заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского профессора В. П. Казарина⁷. Будучи автором около ста печатных работ, Г. А. Зябре-

⁴ См.: *Поддубная Р. Н.* 1) Двойничество и самозванство // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 29–40; 2) «Удивительная судьба этого Стебницкого...» («На ножах» в творческой истории «Бесов»; странники Лескова и Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 1998. № 10. С. 162–179; 3) «Создатели и творцы»: («Поэма» Ивана и сон Алеша в «Братьях Карамазовых») // Достоевский и современность: Материалы VIII Междунар. Старорусских чтений 1993 г. Новгород, 1994. С. 192–197.

⁵ *Поддубная Р. Н.* 1) Идеино-художественные функции фантастики и развитие творческих принципов реализма в русской литературе XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1990; 2) Сказочно-мифологическая образность в структуре «Бесов» и проблема художественного историзма (к характеристике болдинского реализма Пушкина) // Проблемы творческого метода и художественной структуры произведений русской и зарубежной литературы: Междунар. сб. научн. тр. / ВГПИ. Владимир, 1990. С. 28–37; 3) Потребность в историческом самопознании: (Мифопоэтические тенденции современной литературы в свете суждений Потебни о «мифическом мышлении») // Традиции А. А. Потебни и современная филология: Материалы III Потебнянских чтений / Харьк. гос. ун-т. Харьков, 1988. С. 3–27.

⁶ *Поддубная Р. Н.* Двойничество и самозванство. С. 29.

⁷ См.: http://www.tnu.crimea.ua/structure/philolog_fac/rus-lit/index.htm

ва не только вносит существенный вклад в научно-теоретическую базу украинского дostoевсковедения, но и способствует появлению в нем новых имен. Так, под ее руководством защитили кандидатские диссертации А. Терлецкий, А. Машенко, Ю. Романов, М. Кустовская, готовятся к защите еще две диссертации по творчеству Достоевского.

В работах Г.А. Зябревой изучение романов Достоевского представлено в системном аспекте, прослеживаются традиции Достоевского в «малой» прозе Л. Андреева, в «крымском романе» В. Вересаева, большой интерес вызывает исследование крымского контекста журнала «Гражданин»⁸, а также роли Крыма в формировании историософских идей Достоевского⁹.

В частности, в последней работе доказывается, что, хотя Достоевский в Крыму никогда не бывал, «именно священная земля Тавриды сыграла определяющую роль в становлении историософской концепции писателя», убедительные доказательства сказанного содержит та часть наследия классика, которая обращена к так называемому Восточному вопросу, к которому он впервые подошел во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. и окончательное представление о котором, как и о русском мессианстве, сформировал во время войны 1877–1878 гг.

Анализ научных публикаций и диссертационных работ украинских дostoевсковедов за последние двадцать лет позволяет говорить о стабильном росте исследований, посвященных проблемам творчества Достоевского. Рост этот начался со второй половины 1990-х гг. и уверенно продолжился в первое десятилетие века нынешнего. Защиты диссертаций по творчеству Достоевского проходят не только в Киеве, но и в таких городах, как Харьков, Днепрпетровск, Одесса, Симферополь, Тернополь. Так, в Киеве защитили свои диссертации Н. Колосова (1991), О. Корниенко (1996), Л. Остапенко (1999), Л. Хваль (2001), Н. Полулях (2002); в Харькове — М. Блюменкранц (1991), Л. Куплевацкая (2000); в Днепрпетровске — В. Мужчиль (1993), А. Машенко (1998);

⁸ См.: Зябрева Г.А. 1) Романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» в системном аспекте (Статья 1) // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2000. Вып. 6 (63). С. 21–38; 2) Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в системном аспекте (Статья 2) // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2011. Вып. 19 (76). С. 23–40; 3) Традиции Ф.М. Достоевского в «малой» прозе Леонида Андреева 1900-х годов // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2002. Вып. 8 (65). С. 153–171; 4) Идеи и образы Ф.М. Достоевского в «крымском романе» В.В. Вересаева // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2008. Вып. 15 (72). С. 101–112; 5) в соавт. с Иишиным А.В. Крымский контекст журнала «Гражданин» (предисловие, послесловие, комментарии) // Крымский архив: историко-краеведческий и литературно-философский журнал. Симферополь: КЦГИ, 2007. № 10. С. 221–260; № 11. С. 270–302.

⁹ Зябрева Г.А. Крымские «корни» историософии Ф.М. Достоевского // http://www.rgguvnov.ru/library/resource/notes_2.doc.

в Одессе — А. Холодов (1996); в Симферополе — А. Терлецкий (1996), И. Чуприна (2001), Ю. Романов (2003), М. Кустовская (2009), М. Норец (2009); в Тернополе — М. Калиниченко (2008), А. Базилян (2009). Не вызывает сомнений, что в обозримом будущем появятся новые исследования по творчеству Достоевского и данный список украинскими достоевковедами будет продолжен.

Что касается научных публикаций, то общее их количество практически не поддается учету и продолжает возрастать из года в год. Отметим только некоторые широко известные в Украине издания, в которых неоднократно публиковали свои работы достоевские: сборники материалов международной научной конференции «Язык и культура» (Киев), «Вестник Харьковского национального университета» им. В.Н. Каразина (Харьков), научный журнал «Культура народов Причерноморья», межвузовский научный сборник «Вопросы литературы» (Симферополь) и многие другие.

Анализ этого весьма внушительного массива работ позволяет (хотя и достаточно условно) выделить в исследованиях украинских достоевских следующие направления.

Прежде всего следует сказать о работах, в которых творчество Достоевского исследуется по широкому кругу проблем истории литературы и поэтики. К работам такого рода можно отнести уже упомянутые труды Р. Поддубной, Г. Зябровой, а также Н. Колосовой, А. Терлецкого, В. Мужчиль, О. Корниенко, Л. Остапенко, И. Чуприной, М. Кустовской и др.

К следующей группе исследований относятся труды, отражающие мифопоэтический подход к произведениям Достоевского. Это труды М. Блюменкранца, А. Холодова, А. Мащенко, Л. Куплевацкой, Н. Полулях, Ю. Романова, М. Нореча и др.

В третьей группе исследований представлено компаративное направление в изучении творчества Достоевского. При этом часть работ посвящена сопоставлению творчества русского классика и зарубежных писателей (исследования Л. Хваль, Ю. Романова, М. Калиниченко, А. Базилян), другие — отражают диалог русской и украинской культур, параллели в творчестве украинских писателей и Достоевского (труды Р. Поддубной, А. Чичерина, Н. Тодчук, Н. Ильницкого, Е. Быстроты, В. Панченко, И. Кошевой, М. Кудрявцева, С. Грицадя).

Говоря о работах первой группы, следует отметить, что в данных исследованиях представлен анализ художественной структуры произведений русского классика¹⁰; исходя из «непреложного факта», что

¹⁰ Поддубная Р.Н. 1) Законы романного бытия героев в художественной структуре «Преступления и наказания» Достоевского // Литературные направления и стили. М., 1976. С. 229–245; 2) Структура времени и пространства в новелле Достоевского «Кроткая»: (Поэтика новеллистического хронотопа) // Studia rossica posnaniensia, 1979. Posnań, 1980. Z. 14. S. 3–27.

«творчество Ф.М. Достоевского представляет собой единую идейно-образную систему, центром которой является пятикнижие великих романов», рассматриваются (в системном аспекте) такие «первоначала художественного универсума» Достоевского, как предложенные им «картины современной действительности», «трактовка человеческой природы», а также «программа совершенствования мира и личности»¹¹; исследуется художественный мир малой прозы писателя¹²; раскрывается значение «Дневника писателя»¹³; прослеживаются закономерности функционирования текста (в частности романа «Братья Карамазовы») в определенный исторический период и рассматривается связь поэтики романа со спецификой его восприятия¹⁴; исследуется технология воплощения авторского самосознания в романах «Преступление и наказание», «Идиот»¹⁵; анализируется проблема художественного конфликта в романе «Братья Карамазовы»¹⁶; рассматривается концепция «живой жизни», которая предстает как значимая константа в творчестве Достоевского, переосмысленная и выведенная им на духовный уровень утверждения «идеала „сияющей личности“ Христа»¹⁷.

В диссертации Н. Колосовой представлено «целостное изучение новеллистического рассказа Достоевского», выявлены такие «особенности художественного мировидения» Достоевского, как отказ от социального детерменизма в мотивации поведения и неподвижных типов сознания, эффект очищения страданием, возможности воспитания души и ее спасения, особое ощущение пространства окружающего мира, пристальное внимание к типу «положительно прекрасного человека» и др.¹⁸

В монографии А. Терлецкого рассмотрены концепции творчества Достоевского, характерные для представителей философской критики рубежа XIX–XX вв. Отмечая тот факт, что «именно русской философской критикой Достоевский впервые был оценен по достоинству и достаточно глубоко понят» (в нем увидели, по выражению

¹¹ *Зябрева Г.А.* Романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» в системном аспекте (Статья 1). С. 21.

¹² *Колосова Н.А.* Художественный мир малой прозы Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1991.

¹³ *Остапенко Л.М.* «Щоденник письменника» Ф.М. Достоевського в його художньому світі: пошуки пророчого слова: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1999.

¹⁴ *Мужечиль В.В.* Проблеми сприйняття авторського ідеалу «Братів Карамазових» Ф.М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1993.

¹⁵ *Корниченко О.А.* Технологія втілення авторського самосвідомості в произведениях Ф.М. Достоевського («Преступление и наказание», «Идиот»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1996.

¹⁶ *Чуприна І.І.* Проблема художнього конфлікту у романі Ф.М. Достоевського «Брати Карамазови»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2001.

¹⁷ *Кустовська М.О.* Концепція «живого життя» у творчості Ф.М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2009.

¹⁸ *Колосова Н.А.* Художественный мир малой прозы Ф.М. Достоевского. С. 2–3, 17.

К. Мочульского, «не только талантливого психолога, но и великого религиозного мыслителя»), автор монографии в то же время считает, что «заслуги философской критики в постижении Достоевского не следует преувеличивать»¹⁹. Не вполне понимая, что «духовным источником жизни и творчества Достоевского было православие, целительную силу которого он впитал с детских лет», представители философской критики интерпретировали его мирозерцание «с позиций собственных, подчас весьма далеких от канонического православия мистико-религиозных представлений», настойчиво стремясь либо «отлучить» Достоевского от православия (Шестов, Мережковский, Бердяев), либо «принизить само православие... заменить его „новым религиозным сознанием“» и «объявить Достоевского» его «пророком и предтечей» (Мережковский, Бердяев), либо «уподобить его дьяволу» (ранний Розанов, Шестов, Волынский, Мережковский). При этом только К. Леонтьева, В. Розанова (в поздний период творчества) и Вяч. Иванова (до принятия католичества) с оговорками можно отнести к тем, кто видел в Достоевском православного христианина; «промежуточное положение» занимали Вл. Соловьев и С. Булгаков, «для которых Достоевский был прежде всего пророком „вселенского христианства“, а потом уже православным христианином»²⁰.

Цель диссертационного исследования В. Мужчиль — установить закономерности функционирования текста в различные исторические эпохи и проследить, как поэтика художественного произведения связана со спецификой восприятия его обществом. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» рассматривается не только как художественный, но и социокультурный феномен. Автор диссертации приходит к выводу, что особенности художественного воплощения идеала в романе сыграли решающую роль для его восприятия: образ Христа как некий моральный ориентир, пронизывающий всю ткань повествования, органично воспринимался читателями-современниками писателя, что явилось отражением духовных исканий эпохи. «Полифонизм» романа в то же время обусловил «широкий спектр его критических интерпретаций», каждая из которых отражала лишь одну из граней авторского идеала, «не покрывая его, однако, целиком»²¹.

Диссертационная работа О. Корниенко посвящена исследованию технологии воплощения авторского самосознания Достоевского в двух аспектах: в отношении к окружающей действительности, господствующим идеям, и в постановке проблемы идеала²². По мнению автора

¹⁹ Терлецкий А. Д. Ф. М. Достоевский и философская критика рубежа XIX–XX веков / Отв. ред. Г. А. Зябрева. Симферополь: Крымский архив, 1994. С. 90.

²⁰ Там же. С. 91–92.

²¹ Мужчиль В. В. Проблемы сприйятия авторского идеалу «Братів Карамазових» Ф. М. Достоевського. С. 17.

²² Корниенко О. А. Технология воплощения авторского самосознания в произведениях Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот»). С. 4.

диссертации, идеей, воцарившейся в исторических реалиях 1860-х гг. Достоевскому виделось насилие — «ложная анти-идея», которой противостояла подлинно гуманистическая идея нравственного идеала писателя²³. Как воплощение насилия, анти-идеи, в романах «Преступление и наказание» и «Идиот» выступает образ Петербурга, сложный урбанистический пейзаж которого являет город в «трех неразрывных ипостасях: топоса, причины и соучастника преступлений <...> не только уголовных, но и социальных, нравственных»²⁴. При этом автор диссертации указывает на систему лейтмотивов «в изображении анти-идеи в структуре образа Петербурга: духоты, мертвенности, замкнутого, ограниченного пространства, холода и др.»²⁵. Проводя анализ технологии воплощения идеала писателя, О. Корниенко вычленяет лейтмотив одухотворенности, вбирающий в себя ряд мотивов. Это мотивы «страдания», «смирения», «жертвенности», «детскости». Таким образом, осуществляя попытку осмысления эстетических, философских, этических взглядов Достоевского сквозь призму закономерностей построения им своего художественного мира, исследовательница приходит к выводу, что «анализ технологии, объединяющей системы лейтмотивов <...> выявляет специфику диалектически целостного сознания и самосознания» русского классика, «творческое наследие которого <...> продолжает оказывать существенное влияние на развитие мировой литературы»²⁶.

Диссертационное исследование Л. Остапенко отражает подход к «Дневнику писателя» как к принципиально важному факту «творческого поведения» Достоевского, связанному с воплощением русским классиком «сверхзадачи» переосмысления «роли литературы как средства формирования и выражения общественной мысли»²⁷. Материалы «Дневника писателя» рассматриваются с точки зрения интенций формирования литературы с преобладающей ролью «игрового» слова, проявлением которого является «авторская маска» — «своеобразный код поведения автора, способ авторского проявления в тексте», отражающий «процесс влияния слова на читателя» и авторское отношение к событиям²⁸. «Творческое поведение» Достоевского, прослеживаемое в поэтике «Дневника писателя» вначале как отказ от прямого слова, «показное искусство» владения «игровым» словом, чтобы завоевать право на прямое слово и, в конечном итоге, возвращение к нему, рассматривается автором диссертации как наследование Достоевским традиции русской литературы в ориентации на «пророка», провозглашающего художественное слово.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 19–20.

²⁷ *Остапенко Л. М.* «Щоденник письменника» Ф. М. Достоевського в його художньому світі: пошуки пророчого слова. С. 19.

²⁸ Там же. С. 6.

Диссертация И. Чуприной посвящена проблеме художественного конфликта в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Будучи, по мнению автора, «специальной проблемой литературоведения», которой уделялось недостаточно внимания (в частности, не выявлена «до конца» «жанрообразующая функция конфликта»), проблема конфликта рассматривается в различных проявлениях «конфликта человечества как одного человека» (семейный конфликт отца и сына, конфликт героя с социальной средой, конфликт героя с Творцом — бунт против Бога), первичным из которых является «внутренний конфликт человека, обусловленный отпадением его от Бога»²⁹. Отмечая, что «проявления конфликта в прозаической (фабульной) действительности героев неадекватны проявлениям конфликта на сюжетном уровне произведения», Чуприна выявляет конфликт между позицией повествователя и поступками персонажей. При этом «поступок — не только действие, но и слово-высказывание»³⁰. По мнению автора диссертации, фабульная действительность романа разделена на две сферы — жизнь мирскую и монастырскую. Хотя эти две сферы не противостоят друг другу, но являются взаимодополняемыми, каждая из них «внутриконфликтна». При этом наивысшего конфликта достигает жизнь мирская, наиболее отдаленная от Бога, хотя конфликту подвержена и жизнь монастырская: «и среди иноков встречаются принадлежащие „миру сему“»³¹. Актуальными для обеих сфер являются одни и те же вопросы — «вопросы церкви», поскольку в поэтическом мире Достоевского церковь — «не просто организация», а «тело Христово, живая жизнь», без которой «нет народа, нет России». В «лоне Соборной Церкви Христовой» конфликт нивелируется, «голоса героев звучат полнокровно», «не нуждаются в спорах и объяснениях»³². По убеждению исследовательницы, для разрешения конфликта наиболее важно духовное состояние человека, «духовный рост», при этом высказыванием, наиболее точно определяющим состояние героя, является «исповедальное слово» (оно оказывается в структуре различных жанров, составляющих романное целое: «жизнеописания, проповеди, бунта, поэмы, анекдота»). Сам роман — «поэтическое высказывание Ф. М. Достоевского: слово кающегося грешника, слово исповедующегося христианина и исповедника православия, слово-проповедь Христовой истины, которым Достоевский как личность разрешает свое внутреннее противоречие, возвышаясь до автора-творца»³³.

Статьи и диссертация М. Кустовской³⁴ посвящены исследованию концепции «живой жизни» в творчестве Достоевского, которую ав-

²⁹ Чуприна И. И. Проблема художественного конфликта у романиста Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». С. 1, 15.

³⁰ Там же. С. 15.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 15–16.

³⁴ См.: Кустовская М. А. 1) Семантика понятия «живая жизнь» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Литература в контексте культуры: сб. науч. Праць / Ред. кол.:

тор небезосновательно считает «одной из самых актуальных проблем в отечественном и мировом достоеведении»³⁵. Исследовательница прослеживает генезис и эволюцию идеи «живой жизни» не только в творчестве Достоевского, но и в пространстве русской культуры XIX–XX вв., раскрывает своеобразие понимания этого феномена Достоевским и доказывает, что в тезаурусе писателя «живая жизнь» — не спорадическое явление, а значимая константа, лейтмотив, переходящий из произведения в произведение. В работе определен спектр номинаций и значений понятия «живая жизнь» «в художественном и публицистическом дискурсах Достоевского», включающий: 1) антиномию мертвящему рационализму; 2) доверие естественной «логике живой, действительной жизни»; 3) органическую, молитвенную связь с Творцом всего сущего; 4) идею бессмертия души; 5) последование Христу в его этике; 6) проповедь православия³⁶. Диссертация дополняет научное представление о поэтике «живой жизни», расширяет истолкование «таких ведущих у писателя символических мотивов, как „вода“, „воздух“, „земля“, „солнце“, „сад“»³⁷. Несомненно продуктивность дальнейшего изучения феномена «живой жизни» в широком литературном и культурном контекстах, при компаративных и рецептивных исследованиях, поскольку преемственность традиций Достоевского прослеживается как в русской, так и мировой литературе³⁸.

В. А. Гусев (відп. редактор) та ін. Вип. 16. Т. I. Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2006. С. 146–156; 2) «Жажда жизни» и «живая жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский Архив, 2007. Вып. 13 (70). С. 63–76; 3) «Царица земная» и «ангел небесный»: женские образы Ф. М. Достоевского в контексте идеи «живой жизни» (на материале романа «Подросток») // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Симферополь: Изд-во ТНУ, 2008. Т. 21 (60). №2. Серия: Филология. С. 242–247; 4) «Воздух» и «вода» как символы «живой жизни» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность: Материалы XXII Междунар. Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008. С. 131–138; 5) Концепция «живой жизни» Ф. М. Достоевского в свете евангельской заповеди «будьте как дети» // Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы VIII Междунар. научн. конф. «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения») / Сост. А. В. Моторин. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. С. 231–235; 6) Русская женщина как носительница начал «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале романа «Подросток») // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: Сб. статей / Отв. ред. М. Влад. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 385–390; 7) «Жажда жизни» и «живая жизнь»: диалектика идеи «жизни» у Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XXIV Междунар. Старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 178–183.

³⁵ *Кустовська М.О.* Концепція «живого життя» у творчості Ф.М. Достоевського. С. 18.

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 19–20.

В исследованиях, отражающих мифопоэтическую направленность, рассматриваются проблематика жанра легенды в творчестве Достоевского³⁹, типология мифопоэтических мотивов в произведениях «Хозяйка», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток»⁴⁰, влияние Священного Писания на мир идей художественной прозы Достоевского⁴¹, символическая структура романа «Братья Карамазовы»⁴², мотивная структура романа «Бесы»⁴³, феномен «подполья» в поэтике Достоевского⁴⁴, мотив покаяния в романах писателя⁴⁵.

Диссертационная работа М. Блюменкранца посвящена «выявлению неожиданных точек пересечения между историко-философским генезисом легенды и направлением, в котором шли религиозно-нравственные искания, нашедшие свое воплощение» в творчестве Достоевского⁴⁶. Отмечая «пороговый» характер легенды, отражающей «переходный этап от мифопоэтического к историческому мышлению», несущей в себе и «символ Вечности, и знак времени»⁴⁷, автор приходит к выводу, что ветхозаветная легенда о Нимроде и поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор», несмотря на их различие во времени и культуре вступают «в скрытую духовную переключку»⁴⁸. Поскольку «с точки зрения Великого инквизитора, для того чтобы дать человечеству счастье, необходимо лишить его свободы», а «форма существования Нимрода — это абсолютная реализация собственной свободы, свободы как произвола», в обоих случаях свобода является лишь объектом (средством или самоцелью), а не сущностью личностного бытия, что неминуемо приводит к духовному омертвлению и распаду. Констатируя неслучайное обращение Достоевского к легенде, автор диссертации обнаруживает связь «выявляемых в ходе анализа историко-философского генезиса легенды» проблем и «„вечных вопросов“, поставленных творчеством Достоевского»⁴⁹.

³⁹ *Блюменкранц М. А.* Жанр легенды в творчестве Ф. М. Достоевского (историко-философский генезис): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1991.

⁴⁰ *Холодов О. Б.* Типологія міфопоетичних мотивів у творах Ф. М. Достоевського («Хазяйка», «Ідіот», «Злочин і кара», «Підліток»): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Одеса, 1996.

⁴¹ *Мащенко О. П.* Святе Письмо у світі ідей художньої прози Ф. М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1998.

⁴² *Куплевацька Л. О.* Символи та символіка в романі Ф. М. Достоевського «Брати Карамазови»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2000.

⁴³ *Полулях Н. С.* Мотивна структура роману Ф. М. Достоевського «Біси»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2002.

⁴⁴ *Романов Ю. О.* Феномен «підпілля» в поезиці Ф. М. Достоевського: архетипічне та типологічне: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2003.

⁴⁵ *Норець М. В.* Мотив каяття в романній прозі Ф. М. Достоевського: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Сімферополь, 2009.

⁴⁶ *Блюменкранц М. А.* Жанр легенды в творчестве Ф. М. Достоевского (историко-философский генезис). С. 2–3.

⁴⁷ Там же. С. 4–5.

⁴⁸ Там же. С. 15.

⁴⁹ Там же. С. 15–16.

Кандидатская диссертация А. Холодова отражает изучение мифопоэтических мотивов в произведениях Достоевского. В работе исследуются мифопоэтические мотивы, которые автор диссертации считает наиболее типичными для творчества писателя: мотив нисхождения в подземное царство (повесть «Хозяйка»), мотив предсвадебного похищения невесты (роман «Идиот»), мифологема жертвоприношения (роман «Преступление и наказание»), а также комплексы архетипических мотивов в романе «Подросток» (поиск отца сыном, встреча героя со своим двойником-судьбой, мотивы грехопадения и познания добра и зла). Как полагает исследователь, развитие сюжетного действия осуществляется у Достоевского на трех уровнях: социально-бытовом, психологическом и мифологическом. Ритуальные и мифопоэтические мотивы в произведениях Достоевского мифологизируют сюжет и создают своеобразный мифопоэтический подтекст, придающий универсальность единичному факту и наделяющий личную судьбу героя и его трагедию чертами вселенского масштаба.

В работах А. Мащенко рассматривается влияние Священного Писания на мир идей художественной прозы Достоевского. По мнению исследователя, «ни у одного русского литератора евангельские темы не получили столь глубокой интерпретации, как у Ф. М. Достоевского», «Евангелие — тот краеугольный камень, на котором зиждутся» его романы⁵⁰. В своей диссертационной работе (которая явилась по сути первой попыткой украинских исследователей всесторонне рассмотреть связь идей творчества великого русского писателя со Священным Писанием) А. Мащенко характеризует причины и формы обращения Достоевского к Священному Писанию, вычленяет библейские тексты, использованные художником в своих произведениях, определяет среди них наиболее важные для писателя, делает попытку установления философского и символического смысла, который вкладывал русский классик в ту или иную библейскую аллюзию, характеризует роль Священного Писания в его идеологических построениях. Исследователь приходит к выводу, что «все или почти все идеи Достоевского, от этических до историософских, коренятся в священных текстах»⁵¹. Данные тексты нашли свое отражение в творчестве писателя в форме прямых цитат, скрытых аллюзий, реминисценций. Книги, стихи Писания лежат в основе как целых произведений, так и некоторых их фрагментов. Так, в подтексте сюжета «Преступления и наказания» — новозаветная история о воскрешении Лазаря; «Бесь» оказываются толкованием нескольких евангельских стихов; сны Раскольникова в «Преступлении

⁵⁰ Мащенко А. П. Евангельская история в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 1988. Вип. 6 (17). С. 26–35.

⁵¹ Мащенко О. П. Святе Письмо у світі ідей художньої прози Ф. М. Достоевського. С. 14.

и наказании» и Ипполита в «Идиоте» — это вариации на темы Откровения Иоанна Богослова. Восприятие Достоевским Библии как живого пророчества о судьбах мира и человека проходило на нескольких уровнях: «личном, поэтическом, этическом и историческом»⁵². При этом для писателя было крайне важно, чтобы его личным идеям и надеждам находилось подтверждение в Писании; великий русский писатель, «пророк духовного возрождения» не мог не «обращаться к боговдохновенным книгам»⁵³.

Статьи и диссертационная работа Л. Куплевацкой⁵⁴ посвящены исследованию символов и символики в романе Достоевского «Братья Карамазовы». В данных работах проанализированы символические мотивы «падения с горы», «косых лучей заходящего солнца», «страдающих матери и дитяти» и др.; исследованы символические функции «трактира», «сада», «камня», «стены» и т. п. Как показывают исследования, символическая структура романа отражает его внутренний духовно-философский план и авторскую «гипертему» о пути нравственного человеческого возрождения.

Диссертация Н. Полулях посвящена анализу мотививной структуры романа «Бесы». В своей работе исследовательница прослеживает «движение внутритекстовых мотивов — „театральности“, „роли“ и „маски“, „бесовства“, „подмененного ребенка“, „блудного сына“, „двойничества“ — от центральной смысловой области... до периферийных модификаций»⁵⁵. Н. Полулях выделяет два «базовых» мотива, которые выполняют «функцию идейно-структурных „несущих конструкций“ — „театральности“ и „бесовства“»⁵⁶. В диссертации доказывается, что мотив «театральности» является структурообразующим, поскольку персонажи выстраивают свое поведение как роли, а события происходят по «сценариям» самозванных режиссеров (Ставрогиной, Верховенского-младшего, Юлии и Андрея фон Лембке). Хотя мотив «бесовства» и не формирует художественную структуру романа, он проявляется на всех ее уровнях — хронотопа, предметного мира, системы образов. Именно этот мотив, по мнению исследовательницы, является генеральным «в концептуальном отношении, поскольку реализует осмысление

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 15.

⁵⁴ См.: *Куплевацкая Л. А.* 1) Символика хронотопа и духовное движение героев в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 90–100; 2) Символика «предисловных рассказов» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Русская филология. Украинский вестник. 1997. № 3–4. С. 41–45; 3) Символика садов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 1998. Вип. 10 (21). С. 56–60; 4) Символика камня у Достоевского: «Братья Карамазовы» в контексте Пятикнижия // Вісник Харк. ун-ту. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно-мовної свідомості. Серія: Філологія. 1999. № 448. С. 181–185.

⁵⁵ *Полулях Н. С.* Мотивна структура роману Ф. М. Достоевського «Біси». С. 18.

⁵⁶ Там же.

Достоевским всеобщей увлеченности идеями социального переустройства мира как бесовства»⁵⁷. Проведенный в исследовании интертекстуальный анализ позволил обозначить «пушкинско-лермонтовский, гоголевский, шекспировский и евангельский мотивы»⁵⁸. Так, литературная генеалогия Ставрогина позволяет увидеть его связь с «образами „нравственных скитальцев“ русской литературы — Онегиным и Печориным», а также «шекспировским принцем Гарри»; гоголевские корни имеют персонажи «политического памфлета» — Петр и Степан Верховенские и Юлия фон Лембке⁵⁹; ключом к роману, несомненно, служит евангельский эпиграф, почти зеркально отражающийся в финальной сцене главы «Последнее странствие Степана Трофимовича»⁶⁰. Автор диссертации приходит к выводу, что «появление мотивной структуры стало новым этапом и в творчестве Достоевского, и в развитии русской литературы в целом, ибо наличие такой структуры характерно для романа-мифа XX ст. „Бесы“ — это модель „переходного типа“ от классического романа к роману неомифологическому»⁶¹.

Свои исследования мы посвятили раскрытию «подпольного» мотива в творчестве русского классика⁶². «Подпольный» герой Достоевского рассматривается не просто как один из «типов» в характерологии писателя, а как архетипический образ, воплощающий одну из поведенческих моделей архетипической природы («подпольный» мотив состоит в неприятии Божьего мира, противопоставлении ему человекобожеского идеала, осознании собственного несоответствия идеалу, жестокой самоказни и эстетизации ее, погружении в духовное отчуждение — «подполье»), закрепленных в «коллективном бессознательном» (К. Г. Юнг) и реализующихся в опыте сменяющихся поколений. Проследившая «подпольный» мотив в четырех романах великого пятикнижия

⁵⁷ Там же. С. 19.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: *Полулях Н. С.* Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в свете новозаветных текстов // Вісник Харк. ун-ту. Міф і міфопоетика у традиційних та сучасних формах культурно-мовної свідомості. Серія: Філологія. 1999. № 448. С. 131–134.

⁶¹ *Полулях Н. С.* Мотивна структура роману Ф. М. Достоевського «Біси». С. 19–20.

⁶² *Романов Ю. А.* 1) Реализация свойств «подпольного» архетипа в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Культура народов Причерноморья. 2001. № 26. С. 135–141; 2) Отражение феномена «подполья» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Культура народов Причерноморья. 2003. № 37. С. 279–288; 3) Архетипический образ «подпольного» героя в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Симферополь: Крымский архив, 2003. Вып. 9 (66). С. 146–160; 4) «Подпольные» черты главного героя романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Наук. записки Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. Харків: ХДПУ, 2003. Вип. 3 (35). С. 34–42; 5) Малые «подпольные» сцены в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Материалы докладов Междунар. научн.-практ. конф. «Третьи Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». Севастополь: Рибэст, 2009. С. 121–130.

(«Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток»), мы осуществляем попытку наметить наиболее общую типологию «подполья». Она определяется тем, что при реализации в героях произведений Достоевского «подпольного» мотива в ведущей роли неизменно выступают такие «подпольные» начала, как человекобожество и «подпольный» эстетизм. Человекобожество является идейной оппозицией всему пафосу творчества Достоевского, отражает «горнило нравственных сомнений», через которое прошла его «Осанна»; «подпольный» эстетизм, как правило, выступает спутником человекобожеской идеи. Если герой Достоевского не соответствует своему идеалу, то выражением его «подпольного» эстетизма служит доходящая до наслаждения самоказнь. Такой чертой наделены «подпольный» парадоксалист, Раскольников, чета Мармеладовых, Ганя Иволгин, Лебедев, Ипполит Терентьев, Аркадий Долгорукий и др. В героях, наделенных необычайной силой, ставящих себя «выше Бога» — Свидригайлове, Ставрогине, Версилове, — «подпольный» эстетизм полностью подменяет их нравственное сознание, приводя к духовному распаду. Возможно предположить и такое построение типологии «подполья» — в зависимости от того, какая идея становится репрезентативной для человекобожества (например, у Раскольникова — «наполеонистическое» «подполье», у Ставрогина — «сатанинское», у Аркадия Долгорукого — «ротшильдово» и т. д.). Осознавая значение сделанного им великого художественного открытия — «подполья» — Достоевский видел в нем «правду жизни», проблему «русского большинства» и предвосхищал свою славу первооткрывателя «подпольного» феномена. Дальнейшее развитие мировой культуры подтвердило правильность его художественного предвидения: «Записки из подполья» остаются одним из наиболее читаемых произведений современности; образ «подпольного» героя, «как Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан и Фауст», по общему признанию, «достиг... положения одного из литературных архетипов»⁶³, оказавших существенное влияние на развитие мировой литературы.

Диссертация М. Нореца посвящена исследованию мотива покаяния в качестве структурообразующего начала в романе «Преступление и наказание». Выявляя основные тенденции в трактовке понятия «онтологический сюжет» в современной истории и теории литературы (автор опирается на труды Л. В. Карасева) и рассматривая историю онтологического толкования прозы Достоевского, М. Норец исследует своеобразие повествовательной структуры романа «Преступление и наказание» в контексте развития сюжета покаяния, который предполагает прохождение следующих стадий: 1) «опыт бессилия жертвенного намерения добра» (сформировавшийся у Раскольникова в результате смерти его невесты, желание жениться на которой оценивается как намерен-

⁶³ *Frank J. Notes from Underground // Dostoevsky F. Notes from Underground / Transl. and ed. by M. R. Katz. N. Y., 1989. P. 202.*

ное самопожертвование с его стороны); 2) «интуицию личной уникальной вины и обусловленное этой интуицией выпадение из человеческого сообщества» (глубинное неприятие Раскольниковым прощения от людей); 3) «стадию распада „естественных сообществ“, обещающих суд и прощение» (близкие и друзья Раскольникова), и «непричастность» героя ни к одному из них⁶⁴. По мнению автора диссертации, «интерпретация финала романа в духе Книги Иова согласуется с обосновываемой точкой зрения на архитектуру события покаяния на том основании, что Раскольников, подобно библейскому Иову, взывает *собственной вины, не приемля ни утешений, ни увещаний извне*»⁶⁵. Роман рассматривается исследователем «как процесс перехода с психологического уровня раскаяния на онтологический уровень покаяния», и «задаваемая Евангельским архетипом стадийность этого процесса обуславливает сюжетно-композиционное своеобразие романа „Преступление и наказание“»⁶⁶.

В исследованиях компаративного направления изучаются связи наследия Достоевского и творчества представителей «южной школы» американского романа⁶⁷; проблемы сопоставительного анализа творчества Достоевского и У. Фолкнера⁶⁸; авторские мифы в романах «Моби Дик» Г. Мелвилла и «Преступление и наказание» Достоевского⁶⁹; рецепция Достоевского в польской литературе конца XIX — первой половины XX в.⁷⁰ и др.

Диссертация Л. Хваль посвящена изучению контактно-генетических связей и типологических аналогий в творчестве Достоевского и представителей «южной школы» американского романа — У. Фолкнера, Р.П. Уоррена, К. Маккалерс, У. Стайрона, У. Перси, произведения которых исследовательница считает возможным относить к «одному

⁶⁴ *Норевь М. В.* Мотив каяття в романній прозі Ф. М. Достоевського. С. 18–19.

⁶⁵ Там же. С. 19.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Хваль Л. В.* Ф. Достоевський і «Південна школа» американського роману (Типологія і контактно-генетичні зв'язки): Автореф. дис. канд. ... філол. наук. Київ, 2001.

⁶⁸ *Романов Ю. А.* 1) «Подпольный» герой Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера («Записки из подполья», «Сарторис») // Филологические студии. Симферополь, 2001. № 3. С. 134–137; 2) «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — «Шум и ярость» У. Фолкнера: сквозь призму «подполья» // Вестник Междунар. Славянск. ун-та. Харьков: МСУ, 2001. Т. 4, № 1 (4). С. 81–84; 3) Сопоставительный анализ творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера: возможные направления изучения и перспективы архетипного подхода в исследовании // Материалы докладов Междунар. научно-практ. конф. «Вторые Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». Севастополь: Рибэст, 2008. С. 413–419; 4) Достоевский и Фолкнер: феномен созвучия // Ф. М. Достоевский в диалоге культур: Материалы междунар. научн. конф. 25–29 августа 2009 г. / Сост. В. А. Викторovich. Коломна: Коломенск. гос. пед. инст., 2009. С. 127–128.

⁶⁹ *Калиніченко М. М.* Герман Мелвілл і Федір Достоевський. Авторські міфи в романах «Мобі Дік» та «Злочин і кара»: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Тернопіль, 2008.

⁷⁰ *Базілян А. А.* Рецепція Ф. Достоевського у польській літературі кінця XIX — першої половини XX століття: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Тернопіль, 2009.

„типологическому ряду“», что позволяет выявлять «типологические схождения, аналогии, параллели и различия»⁷¹. Так, в творчестве Достоевского и писателей «южной школы» четко прослеживаются такие черты жанра «романа-трагедии», как «трагический конфликт „Лица с миром“ (В. Кирпотин)», «катастрофичность событий, спешащих к трагическому концу», подчеркивается наличие «трагической развязки», обусловленной природой этого жанра⁷². Автор диссертации отмечает важность для представителей «южной школы» воплощенной Достоевским психологии «отчужденного протагониста» (повесть «Записки из подполья»), нашедшей яркое воплощение в произведениях американских авторов (романы К. Маккалерс «Сердце — одинокий охотник», У. Перси «Кинозритель», «Последний джентльмен», «Ланселот», У. Стайрона «Подожги этот дом», Р.П. Уоррена «Ночной всадник», «Вся королевская рать»), а также значимость создания политического романа нового типа «Бесы», изображающего тип того сознания, которое русский классик определял как «бесовство», что оказалось близким писателям «южной школы» (романы Р.П. Уоррена «Вся королевская рать» и У. Стайрона «Выбор Софии»).

Нами был подготовлен обзор литературоведческих работ, отражающих основные направления сопоставительного анализа творчества Достоевского и Фолкнера⁷³. Особое внимание было уделено архетипическому образу «подпольного» героя. Так, черты «подпольного» парадоксалиста Достоевского отражены в романе Фолкнера «Сарторис» в идеализации прошлого («героика» молодого Баярда, символическая «глухота» старого Баярда, «безмятежность» Нарциссы, инфантилизм ее брата Хореса), трагическом осознании своего несоответствия идеалу (молодой Баярд), трагической расколотости сознания, карнавализации, масочности и, в конечном итоге, нравственной гибели героя⁷⁴. Сопоставительный анализ романов «Преступление и наказание» и «Шум и ярость» позволяет выявить ряд параллельных, связанных с воплощением свойств архетипического образа «подпольного» героя, характеров. При этом в некоторых из них «подпольный» мотив отражен с достаточной полнотой (Раскольников — Квентин Компсон, Свидригайлов — мистер Компсон), в других же данная репрезентация носит фрагментарный характер (Лужин — Джейсон Компсон, Катерина Ивановна — миссис Компсон, Мармеладов — мистер Компсон)⁷⁵.

⁷¹ Хваль Л. В. Ф. Достоевський і «Південна школа» американського роману (Типологія і контактено-генетичні зв'язки). С. 18.

⁷² Там же. С. 18–19.

⁷³ Романов Ю. А. 1) Сопоставительный анализ творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера: возможные направления изучения и перспективы архетипного подхода в исследовании; 2) Достоевский и Фолкнер: феномен созвучия.

⁷⁴ Романов Ю. А. «Подпольный» герой Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера («Записки из подполья», «Сарторис»).

⁷⁵ Романов Ю. А. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — «Шум и ярость» У. Фолкнера: сквозь призму «подполья».

В диссертации М. Калиниченко исследуются мировоззренческие, эстетические и художественные процессы возникновения авторских мифов у Мелвилла и Достоевского, их художественная онтология и функционирование в мифопоэтике романов «Моби Дик» и «Преступление и наказание». Авторский миф трактуется «как художественное воплощение результатов взаимодействия мифологических моделей, схем и мотивов с авторской установкой на мифологизацию бытия»⁷⁶. Определена принципиальная общность содержания авторских мифов в романах «Моби Дик» и «Преступление и наказание», в которых отражены «древнейшие мифические представления о вечной неразделимости и неслиянности, единстве и неразрешимом противоборстве добра и зла в универсуме и человеческой душе»⁷⁷.

Диссертация А. Базилян посвящена проблемам восприятия творчества Достоевского польскими писателями конца XIX — первой половины XX в. Основное внимание уделено писательской рецепции русского классика С. Жеромским, З. Налковской, Я. Ивашкевичем. По мнению автора диссертации, анализ их произведений позволяет говорить не просто о влиянии Достоевского, а о глубоком процессе усвоения его творческой проблематики, при котором «чужое» осваивается, обновляется и становится «своим»⁷⁸. Так, выявлено, что для С. Жеромского русский писатель был не только идейным вдохновителем, его произведения были для него своеобразной школой художественного мастерства; для З. Налковской он был примером для подражания, учителем, с которым писательница постоянно вела диалог, пыталась сравнить с его творчеством собственную манеру письма, а также письмо других авторов. Диалог, возникший, по мнению исследовательницы, между Достоевским и польскими писателями, позволяет проводить компаративное исследование романов «Преступление и наказание» Достоевского, «История греха» С. Жеромского и «Граница» Налковской, рассматривая не только их идейную проблематику (проблемы преступления и наказания, добра и зла), но и фабулу (криминальный сюжет).

В исследованиях, посвященных параллелям в творчестве Достоевского и украинских писателей, изучаются биографические факты, обстоятельства знакомства и взаимовосприятие Федора Достоевского и Тараса Шевченко⁷⁹; рассматривается рецепция творчества

⁷⁶ *Калиніченко М. М.* Герман Мелвілл і Федір Достоевський. Авторські міфи в романах «Мобі Дік» та «Злочин і кара». С. 18.

⁷⁷ Там же. С. 19.

⁷⁸ *Базилян А. А.* Рецепція Ф. Достоевського у польській літературі кінця XIX — першої половини XX століття. С. 8.

⁷⁹ *Поддубная Р. Н.* Федор Достоевский и Тарас Шевченко (материалы к истории несостоявшейся дружбы) // Вісник Харк. ун-ту. 1986. № 284: Т. Г. Шевченко. Питання мовознавства і літературознавства. С. 10–23.

русского писателя Иваном Франко⁸⁰; вскрываются «достоевские» вопросы в творчестве Владимира Винниченко⁸¹; намечены общие мотивы у Достоевского и современного украинского прозаика и историка Валерия Шевчука⁸².

В исследовании Р. Поддубной отмечается, что для современников Достоевского и Т. Г. Шевченко в начале 1860-х гг. «имена и судьбы этих писателей имели если не одинаковое, то очень близкое общественное значение»⁸³; «сходство гражданских судеб художников, примерно в одно и то же время прошедших испытание десятилетней каторгой и солдатчиной <...> поразительное сходство некоторых нравственно-общественных итогов, вынесенных из десятилетних испытаний, чрезвычайно большой круг общих знакомых, делающий личное знакомство практически неизбежным, — все это дает основания говорить об истории несостоявшейся близости»⁸⁴ русского писателя и украинского поэта. По мнению исследовательницы, факты биографии Достоевского и Шевченко позволяют предполагать возможность их — хотя бы заочного — знакомства уже в 1840-е гг. Что касается места встречи, то, наиболее вероятно, это был дом Тургенева. Автор исследования убеждена в том, что «в феврале–апреле 1860 г. Достоевский и Шевченко просто не могли не встречаться у Тургенева»⁸⁵, «Достоевский и Шевченко знали друг о друге очень много и полно и <...> лично встречались неоднократно»⁸⁶. При этом если Шевченко воспринимал Достоевского демократом, противником крепостного права и талантливым писате-

⁸⁰ См.: *Чичерін О.В.* Ф. Достоевський у творчій спадщині І. Франка // Радянське літературознавство. 1971. № 11. С. 54–58; *Тодчук Н.В.* І Франко та Ф. Достоевський: структурні паралелі на рівні сюжетного хронотопу («Для домашнього огнища» — «Злочин і кара») // Літературоведческий сб. Вып. 5/6. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 235–242; *Льницький М.* Поєдинок із собою: проблема двійництва в «Посдинку» І. Франка та «Двійнику» Ф. Достоевського // Слово і час. 2006. № 8. С. 18–27; *Бистрота О.* Рецепція творчості Федора Достоевського Іваном Франком // Наук. записки Терноп. нац. пед. ун-ту ім. В. Гнатюка. Серія: Літературознавство / За ред. М. П. Ткачука. Тернопіль: ТНПУ, 2009. Вип. 28. С. 293–300.

⁸¹ См.: *Панченко В.* Триумф і банкрутство принципу («Достоевські» питання у творчості Володимира Винниченка) // Кур'єр Кривбасу. 1998. № 93–94. С. 132–143; № 95–96. С. 140–150; *Кошова І.О.* Достоевські питання у романі Володимира Винниченка «Записки кирпатого Мефістофеля» // Наук. праці: Зб. Миколаїв: МФ НаУКМА, 2000. Т. 5. С. 121–123; *Кудрявцев М.Г.* Достоевський і Винниченко: до проблеми художньої інтерпретації злочину і покари в історико-літературному контексті // Зарубіжна література в школах України. 2008. № 3. С. 2–9.

⁸² *Грицай С.Я.* Отзвуки Ф. М. Достоевского в творчестве Валерия Шевчука // Диалог украинской и русской культур в Украине: Материалы II междунар. научно-практ. конф. 30–31 октября 1997 г. Киев / Гл. ред. Н. А. Шульга. Киев, 1998. С. 204–208.

⁸³ *Поддубная Р.Н.* Федор Достоевский и Тарас Шевченко (материалы к истории несостоявшейся дружбы). С. 10.

⁸⁴ Там же. С. 11.

⁸⁵ Там же. С. 20.

⁸⁶ Там же. С. 22.

лем, то «личность... и мироощущение Шевченко должны были заинтересовать Достоевского <...> в связи с теми размышлениями о народе, к которым побудила каторга и которые послужили одним из оснований начинающей складываться концепции „почвы“»⁸⁷.

В работах, посвященных восприятию творчества Достоевского Иваном Франко, отмечается, что хотя эта сложная, но интересная тема уже становилась предметом изучения украинских литературоведов, требуются дальнейшие разыскания, которые еще впереди⁸⁸. Практически все исследователи констатируют живой интерес Ивана Франко к произведениям русского писателя, в творчестве которого он особенно ценил психологизм, изображение духовной жизни человека, поражающий читателя трагизм. Отвечая на вопросы о том, как отразилось творчество Достоевского в произведениях Франко и можно ли говорить о непосредственном его влиянии на художественный мир украинского классика, литературоведы склонны предполагать, что «след увлеченно и внимательно прочитанных романов русского автора можно выявить», и этот след будет «более четким и ясным» по сравнению со следами художественного освоения Иваном Франко творчества таких романистов второй половины XIX в., как Л. Толстой, И. Тургенев, Г. Флобер или Э. Золя⁸⁹. Наиболее ощутимо это влияние в повести «Столпы общества» (1894–1895) и в романе «Перекрестные тропинки» (1900), герои которых созвучны образам Достоевского. Правда, при этом, сколь бы сильным ни было это созвучие, стихи и проза украинского классика всегда являлись отражением его могучей творческой индивидуальности, усваивавшей все самое ценное в мировой литературе⁹⁰. В исследованиях последних лет литературоведы открывают всё новые параллели между Достоевским и Франко, по-новому осмысливают их. В частности, путем сравнительного анализа сюжетного времени доказывается соотносительность в конструировании хронотопа романов «Ради домашнего очага» и «Преступление и наказание»; на материале «Поединка» Ивана Франко и «Двойника» Достоевского прослеживается тема двойничества — одна из «магистральных» в творчестве как одного, так и другого⁹¹; делается важный вывод о том, что «современные обращения» к творчеству и личности Достоевского на Украине обусловлены традицией, которая восходит к восприятию прозы русского писателя Иваном Франко, его оценке значимости творческого наследия Достоевского⁹².

⁸⁷ Там же. С. 17.

⁸⁸ Тодчук Н. В. І. Франко та Ф. Достоевський: структурні паралелі на рівні сюжетного хронотопу («Для домашнього вогнища» — «Злочин і кара»). С. 237.

⁸⁹ Чичерін О. В. Ф. Достоевський у творчій спадщині І. Франка. С. 54–55.

⁹⁰ Там же. С. 57.

⁹¹ Гльницький М. Поединок із собою: проблема двійництва в «Поединку» І. Франка та «Двійнику» Ф. Достоевського. С. 18.

⁹² Бистрота О. Рецепція творчості Федора Достоевського Іваном Франком. С. 300.

Проблемы человекобожества, двойничества, революционного божества — вот «достоевские» вопросы, проглядывающие, по мнению исследователей, в творчестве талантливого украинского писателя Владимира Винниченко. Будучи одновременно и революционером-практиком, направлявшим свою деятельность на «достижение социалистического идеала», и художником, читавшим Достоевского (которому «открывались противоречия и диссонансы грядущего потрясения основ»), Винниченко создал галерею образов «раскольниковского» типа (пьесы «Дисгармония», «Ступени жизни», драма «Memento», роман «Честность с собой» и др.), «подчиняющих себя тщательно сконструированному принципу», что и «роднит их с героем „Преступления и наказания“»⁹³. Присутствует при этом и мотив нравственного раздвоения, борьбы с самим собой. Так, главный герой романа «Записки курносого Мефистофеля» Яков Михайлюк «носит напускную, фальшивую маску безразличия, презрения, экспериментирует над другими людьми», пробует совершить убийство своего ребенка, мешавшего счастью с любимой, но в конце концов не может на это пойти — в его душе, как и у Раскольникова, идет «постоянная борьба»⁹⁴. По мнению М. Кудрявцева, хотя «украинский социал-демократ... В. Винниченко имел другие духовные ориентиры, нежели русский христианский мыслитель Ф. Достоевский», эти классики «адекватны <...> в глубинном психологизме художественного осмысления греховных побуждений человека... в мастерской передаче социального типажа, в умении в духовно-этическом состоянии общества увидеть угрозу людской цивилизации»⁹⁵.

Наличие общих проблем творчества, таких как свобода личности, противоречие между духовными устремлениями и эмпирической жизнью, уникальность человеческого существования, позволяет проводить определенные параллели между художниками, принадлежащими разным культурно-историческим эпохам — Достоевским и Валерием Шевчуком. Как отмечает С. Грицай, «целостная общая концепция времени и пространства» «прочитывается» как в произведениях из «Дневника писателя» Достоевского, так и романах Валерия Шевчука («На поле смиренного», «Три листка за окном», «Дом на горе»)⁹⁶.

Таковы, в общих чертах, основные направления и структура исследовательских работ по творчеству Достоевского, изданных за последние десятилетия на Украине. Многие темы из упомянутых направлений сохраняют свою значимость и сегодня. В то же время хотелось бы подчеркнуть важность рассмотрения произведений Достоевского

⁹³ Панченко В. Триумф і банкрутство принципу («Достоевські» питання у творчості Володимира Винниченка). 1998. №93–94. С. 134, 136–137.

⁹⁴ Кошова І. О. Достоевські питання у романі Володимира Винниченка «Записки кирпатого Мефистофеля». С. 122.

⁹⁵ Кудрявцев М. Г. Достоевський і Винниченко: до проблеми художньої інтерпретації злочину і покари в історико-літературному контексті. С. 9.

⁹⁶ Грицай С. Я. Отзвуки Ф. М. Достоевского в творчестве Валерия Шевчука. С. 207.

в православном контексте; дальнейшего изучения требует отражение в его художественном мире Священного Писания, при этом остается актуальным мифопоэтический подход к освещению проблем его творчества. Для украинских литературоведов представляет особый интерес преломление художественного мира Достоевского в творчестве украинских классиков — не только И. Франко и В. Винниченко, но также О. Кобылянской, Л. Украинки, М. Коцюбинского, Н. Хвильового, других.

Не вызывает сомнений, что за достаточно продолжительный по времени постсоветский период давно уже назрела необходимость в создании определенных условий, которые обеспечили бы украинским достоевковедам возможность объединять усилия по дальнейшему изучению творческого наследия великого русского классика, озвучивать свои идеи и обмениваться ими в рамках специальных достоеведческих конференций на территории Украины, приглашать на них как своих российских коллег, так и достоевсковедов со всего мира.

В связи с этим выдвинутую М. Кустовской (и поддержанную Г. А. Зябревой) инициативу создания Украинского общества исследователей Достоевского трудно переоценить. Хочется верить в то, что в обозримом будущем в этом направлении будут предприняты первые серьезные шаги⁹⁷.

⁹⁷ В качестве подтверждения этому следует рассматривать проведение в 2011 и 2012 гг. в рамках ежегодно проходящего в Крыму Международного симпозиума «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» Крымских Международных научных чтений Достоевского («Слово Ф. М. Достоевского в современном диалоге культур: национальное и вселенское»), итогом работы которых стал выпуск (в рамках издания «Вопросы русской литературы») первого на Украине сборника научных трудов, посвященных изучению творческого наследия Достоевского (см.: Вопросы русской литературы: Межвуз. научн. сб. Слово Ф. М. Достоевского в современном диалоге культур: национальное и вселенское. Симферополь, 2012. Вып. 21 (78)).